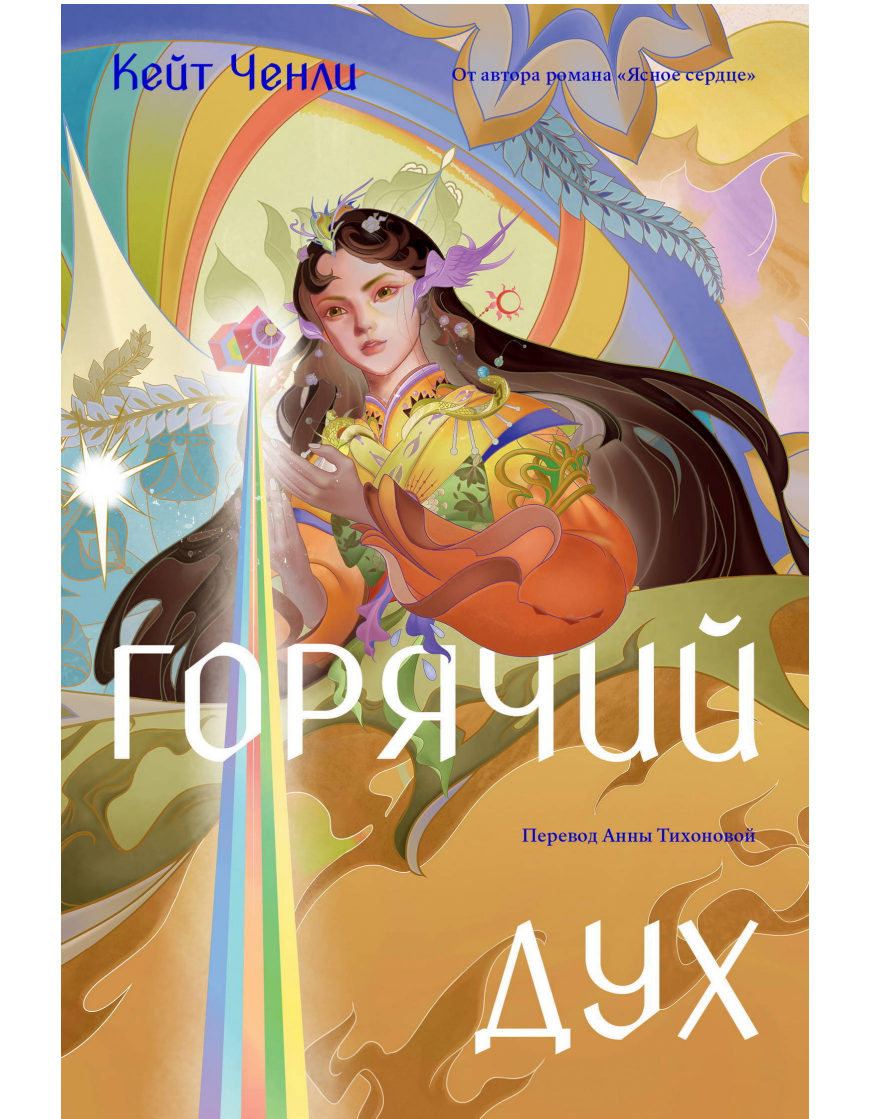

The background of the cover is a vibrant, stylized illustration. It features a woman with long, dark hair adorned with purple and blue floral ornaments. She is wearing a traditional Japanese kimono with a yellow and orange pattern. She holds a small, multi-colored cube in her hands, from which a bright rainbow beam of light emanates, extending down the center of the cover. The background is composed of swirling, abstract shapes in shades of blue, yellow, and orange, with a rainbow arching over the woman's head. A small, stylized sun or star symbol is visible in the upper right.

Кейт Ченли

От автора романа «Ясное сердце»

ГОРЯЧИЙ

Перевод Анны Тихоновой

ДУХ

Кейт Ченли

Горячий дух

Серия «Soda Press»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74389016
ISBN 978-5-04-252919-1

Аннотация

Миньсин перехитрила предателя, который однажды ее убил, и наконец вздохнула спокойно. Нашла любовь – хотя клялась больше никому не верить. И в ней начала просыпаться магия, которую нужно скрывать любой ценой.

Но покоя не будет. Погибает младший принц, и девушка уверена: это убийство, а не несчастный случай. За преступлением стоит темный маг по имени Ночной Дракон. Лица своего он еще никому не показал, но уже идет по следу Божественного Камня – того самого, что принцесса клялась беречь до последнего вздоха.

С каждым днем магия в ней растет, и скрывать ее становится все труднее. А чтобы остановить Дракона, Миньсин понадобятся любые союзники.

Но кому можно довериться и открыть правду, а кому нельзя – и что будет, если она ошибется?

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кейт Ченли

Горячий дух

A FIERY SPIRIT

by Kate Chenli

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Перевела с английского Анна Тихонова

Text © 2025 Kate Chenli

Cover illustration © 2025 Union Square and Co., LLC

© Анна Тихонова, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026 Soda Press

* * *

*Посвящается Дону Ты – мое ясное сердце и мой
горячий дух*

Часть I

Глава 1

Моя двоюродная сестра Айлин стоит на коленях перед гробом. Она закидывает голову вверх и издает горестный вой, а затем, ровно в ту минуту, когда мы с Джие заходим в Зал прощания, прячет лицо в ладонях. Плечи ее трясутся от рыданий.

В душе она наверняка смеется.

Мы с Джие рука об руку проходим мимо слуг в серых туниках. Они стоят по сторонам от ковра цвета слоновой кости, разделяющего зал надвое. Все одеты в белое, как положено. Чиновники со своими сыновьями кланяются нам, отвлекаясь ненадолго от тихих сплетен. Я одета точно так же, как Джие, – в теплый наряд скучного оттенка, и поверх у меня накинута белая мантия. Мои убранные в косы волосы украшены одним лишь жемчужным цветком.

Имя принца Вена выведено чернилами на белоснежной ткани, которой затянута дальняя стена зала. Под ней на длинном столе горят благовония, и ароматические палочки аккуратно выставлены так, чтобы не касаться друг друга. Ряды *сюньлун* — медных угольных печей с бронзовыми решетками — излучают тепло.

Мы подходим к длинному столу, и один из слуг подает нам по две ароматические палочки, еще горячие, окутанные завитками дыма. Мы берем их обеими руками и бережно ставим в песок, наполняющий курительницу. Это своего рода подношение усопшему. Затем мы кланяемся трижды, прощаясь с принцем Веном и показывая в последний раз свое уважение.

Все это время я краем глаза наблюдаю за Айлин. Она стоит на коленях, опустив голову. По традиции невеста должна провести у гроба жениха весь день – от первых лучей солнца до того, как умершего понесут хоронить. Считается, что так она охраняет его душу.

Вместе с Джие я поправляю ароматические палочки, чтобы они стояли ровно, и отворачиваюсь от стола. Айлин внезапно поднимает голову, и на мгновение наши взгляды встречаются. Щеки у нее покусаны морозом, но глаза сияют так ярко, что мне становится тошно от сверкающего в них удовольствия.

Мы с Джие киваем друг другу, и он идет дальше по залу, за ряд прислуги. Его окружают собравшиеся чиновники, осыпая соболезнованиями. Джие отвечает им, обращаясь к каждому по имени.

Мне следует уйти во внутренние комнаты, где собрались остальные женщины, но я не спешу. Прогуливаясь через толпу, прислушиваюсь к тому, о чем здесь шепчутся и сплетничают. Сильно помогает то, что слух у меня острее обыч-

ного.

Сердце сжимается от волнения. В последнее время я стала намного лучше видеть и слышать и теперь могу различить мотылька под лунным светом во всех деталях, уловить шелест его крошечных крыльев. Связаны ли эти новые способности с моим умением опознавать определенные виды магии?

Хорошо бы уточнить у Хансиня, не становятся ли зрение и слух острее благодаря магии чувства.

Проклятье. Верховная жрица Судаджи рассчитывала на то, что я обрету волшебные силы, но мне этого совсем не хотелось.

Скользя через толпу, я улавливаю обрывки разговоров, но пока мне не попадается ничего существенного.

Мой дядя Йи что-то обсуждает с двумя младшими чиновниками. Один из них неотрывно смотрит на Йи, и подобострастная улыбка расплывается по всему его круглому, мясистому лицу.

– Говорят, принц Кай выслеживает союзника предателя за пределами столицы, – шепчет дядя.

Я отвожу взгляд, чтобы они не заметили, что их подслушивают.

– Очень обнадеживает, что столь ответственное задание доверили Его Высочеству, – с чувством произносит один чиновник. – Слава небесам!

– Несомненно, принц Кай поймает всех предателей тро-

на, – поддерживает его другой. – Его Величество сможет гордиться сыном – настоящим героем!

Внутри у меня все сжимается.

Кая отправили на поиски подельника Рена, на важную миссию, и, хотя о Ночном Драконе было известно лишь высокопоставленным чиновникам, все равно меня тревожило то, что Джие досталась несущественная роль организатора похорон Вена и того, кто будет представлять короля, принимая соболезнования придворных. Эти несоразмерные задачи повлекли за собой множество сплетен в столице. Больше всего меня тревожил один вопрос: не лишился ли принц Джие доверия короля?

Похоже, некоторые мелкие чиновники так считают и пользуются редкой возможностью завоевать расположение моего дяди, ценного союзника принца Кая.

Сколько же чиновников теперь втайне ставит на Кая в борьбе за трон?

– Принц Кай незаслуженно провел в заключении несколько месяцев, но не сказал о том ни слова и мужественно ринулся исполнять свой долг перед королевством и народом, – лепечет первый чиновник.

Не месяцев, а недель, глупец. Впрочем, какая разница? Восхищение выносливостью принца Кая распространяется по всей столице, и все благодаря моему дяде.

– Какая же сильная у него душа, – вставляет второй чиновник. – Должно быть, она благословлена небесами.

– Несомненно, – отвечает дядя Йи.

Я больше не могу слушать этих шутов. Оборачиваюсь на белую ткань с чернильным именем Вена и думаю о том, что, если министр Сан хоть как-нибудь замешан в смерти брата Джие, я непременно выведу его на чистую воду.

Я обвожу взглядом зал и замечаю великого ученого Йю, погруженного в беседу с премьер-министром Ангом. До этого я втайне обратилась к Йю и намекнула на то, что его племянник вполне мог умереть не по своей воле, поскольку надеялась заручиться поддержкой важного ученого. Однако тот повел себя холодно и безразлично.

Впрочем, этого и следовало ожидать, по словам моей будущей свекрови, придворной дамы Хуа.

«В молодости он был намного более прямолинейным и открытым, – сказала мне она. – После того как король запретил изучение и использование магии, бывший великий ученый Ян выразил в личной беседе недовольствие этим указом, поскольку считал, что хотя бы ученые должны были стать исключением, ведь запрет знаний идет наперекор самой их сути. Эти слова дошли до короля, и он казнил Яна, а его семью изгнал в далекий городок при руднике. Йю, любимый ученик Яна, никак не высказался ни об указе, ни о казни, и вскоре его возвели в статус нового великого ученого. После тех событий он всегда держал язык за зубами, чтобы никто не мог ни в чем его обвинить. Полагаю, случай с Яном стал для него уроком».

Сейчас нам не будет пользы от великого ученого Йю. Он больше десяти лет провел в котле придворной политики, но так и не занял ничьей стороны – даже собственного племянника. Не стоит ожидать, что его позиция изменится.

Мне на глаза попадается мастер Чанг – он стоит чуть в стороне от толпы вместе с сыном, вид у которого довольно взволнованный. Им обоим всегда тяжело давалось общение с политиками.

– Ваша милость! – восклицает мастер Чанг, стоит мне к ним приблизиться. Он начинает кланяться и тут же выставляет руки перед собой, жестом показывая, чтобы я не кланялась в ответ. – Я недостойн, принцесса.

– Даже учитель на день остается учителем на всю жизнь, – цитирую я поговорку. – Неважно, сколько на мне титулов. Я всегда буду вашей ученицей, мастер Чанг.

– Для меня это честь, принцесса, – говорит он и кивает на юношу. – Насколько мне известно, вы еще не знакомы с моим сыном. Чанг Лян обучается в королевской академии Сюэюань, у самого великого ученого Йю, – сообщает старый музыкант, и его лицо светится от гордости.

Я поворачиваюсь к Ляну:

– Я о вас слышала, господин Чанг. Вы лучший ученик великого ученого Йю.

А еще один из немногих, кого Рен не смог подкупить в моей прошлой жизни.

Как же его это тогда рассердило! Под влиянием Рена я на-

ивно полагала, что купить можно любого, если только предложить достойную цену. Теперь же понимала, что дружбу и верность человека надо заслужить; а то, что куплено за деньги, – того не стоит и долго не продержится.

Лян в свои двадцать с небольшим выглядит как любой другой молодой ученый: кожа бледная от того, что почти не видит солнца, взгляд пыливый и горячий, брови вечно нахмурены – несомненно, потому, что он сосредоточенно и усердно предается изучению наук.

– Я безмерно польщен тем, что вы обо мне знаете, – говорит Лян, и лицо его сияет. Он нервно потирает руки, и с его губ слетает неловкий смешок. – Я давно хотел с вами встретиться, принцесса. Не верится, что наконец предоставилась возможность. Мой отец высоко о вас отзывается, а я восхищаюсь вами с тех пор, как вы сразили предателя трона.

Мои щеки заливаются краской.

– Благодарю вас. Битва была жестокая, и многие в ней пострадали. Мой двоюродный брат Бо...

Дядя Йи приводил к нему врачей, но я слышала, что лучше ему пока не стало.

– Мой сын вызвался помочь юному Бо, – говорит мастер Чанг.

Лян кивает:

– Я предложил осмотреть Бо, проверить, не могу ли что-нибудь для него сделать. Хотя, конечно, я не врач, пускай и занимаюсь изучением медицины и лекарственных трав.

– Не будьте так скромны, – отвечаю ему я. – Великий ученый Йю гордится вашими знаниями и тем, что вы проявляете интерес ко многим разным дисциплинам.

Лян краснеет:

– Я не заслуживаю столь высокой похвалы.

Однако я подмечаю, что улыбка мастера Чанга становится шире, и, не будь мы сейчас на похоронах, он улыбался бы во весь рот.

– Насколько тяжела травма моего двоюродного брата, господин Чанг? – спрашиваю я, внимательно следя за выражением лица юноши. – Надеюсь, он скоро поправится? Ведь предатель всего раз ударил его в голову.

Выражение Ляна меняется несколько раз всего за секунду, а затем он отводит взгляд и тихо произносит:

– Признаться, мне неизвестно, почему господин Сан еще не пришел в себя.

Я вздыхаю и перевожу разговор в другое русло:

– Печально, что принц Вен погиб. Говорят, вы с ним были близки?

Лян коротко кивает. Поводит челюстью. Еще сильнее понижает голос:

– Порой, когда я навещал принца Вена, с ним была госпожа Сан, и мне казалось, он должен радоваться тому, что рядом его возлюбленная, но Вен выглядел скорее обеспокоенным, мрачным, я бы даже сказал – несчастным, и со временем ему становилось хуже.

– Пока не стало плохо настолько, что он покончил с собой, – заключаю я.

Насколько нам известно, Вен отослал слуг, а затем схватился за перила моста и перекинулся через них в воды пруда.

Неужели он наконец осознал, насколько ужасна и жестока Айлин?

Мастер Чанг строго смотрит на сына:

– Не разводи слухов о принце. Тебе это не к лицу.

Лян кланяется:

– Прости, отец.

Выпрямившись, он бросает на меня беспокойный, но пристальный взгляд.

У меня екает сердце. Ляну что-то известно о подозрительной смерти Вена.

Я делаю глубокий вдох и прощаюсь с ними обоими:

– Приятно было снова увидаться с вами, мастер Чанг, и познакомиться с вами, господин Чанг.

– Взаимно, принцесса, – отвечает мастер.

– Ваша милость, я счастлив, что смог увидаться с вами, – говорит Лян. – Да будут дни вашей жизни наполнены мудростью святых.

– Я желаю вам того же.

Я приподнимаю занавеску, разделяющую залы, и захожу во внутренние комнаты.

Придворная дама Йю стоит, прислонившись к дверной раме. Она похожа на обтянутый бледной кожей скелет, и под

глазами ее лежат темные круги. Полагаю, после смерти Вена она мало спала и почти ничего не ела. Глаза матери полны горя, и она смотрит на Зал прощания через тонкую занавеску, сверля взглядом мою двоюродную сестру.

Моя лучшая подруга, принцесса Юнли, гладит придворную даму Йю по плечу и сочувственно что-то шепчет, но, боюсь, сейчас мать Вена ничем не утешить. Она не сводит глаз с гроба из черного сандалового дерева. Я недолюбливаю саму Йю, но все же соболезную ее утрате.

Я иду дальше вглубь комнаты.

Лишь придворным дамам позволена роскошь отдыхать на кушетках. Обычные аристократки стоят вокруг них. Подбородок Хуа вздернут, и она наблюдает за церемонией с властным безразличием солнца. Придворная дама Баи, мать Кая, кивает всем в знак приветствия с приятным выражением лица, и голос ее звучит нежно, но время от времени я замечаю стальной блеск в ее глазах.

Придворную даму Хуа можно сравнить с лезвием меча, выхваченного из ножен, сверкающего смертельной опасностью. Баи же – зазубренный кинжал, закутанный в шелка, но не менее острый.

Мне вдруг вспоминается ее образ из прошлой жизни: безжизненное тело, свисающее с балки в соседней камере. Сейчас лицо Баи выражает гордость и спокойствие, и сложно поверить, что на нем же я видела отчаяние и панику в те минуты перед ее смертью.

Я вспоминаю о том, как сама томилась в темнице, и юноша, предавший мою любовь, решал мою судьбу. Теперь я уже не та напуганная, беспомощная девчонка. Нет, я боец, и судьба моя – в моих руках.

Обе придворные дамы окружены теми, кто стремится им угодить и завоевать их расположение, поэтому я не спешу обратиться к будущей свекрови. Я отворачиваюсь, и в ту же минуту ко мне подходит Юнли.

– Мы с тобой давно не виделись, – замечаю я. – Как проходят собрания королевского совета?

Принцесса много лет слушала их, не имея права сказать ни слова, но с недавних пор ей позволяют выражать свое мнение.

Юнли пожимает плечами:

– Пока неплохо. Я вношу много предложений.

– Наверняка они их впечатляют.

Юнли кивает на основной зал:

– Это надо спросить лично у тех стариков.

Она ведет себя непривычно отстраненно. Похоже, что-то недоговаривает? Или до сих пор горюет из-за преждевременной кончины брата?

Вдруг появляется ощущение, будто меня сверлят взглядом. Я оглядываюсь и вижу, что придворная дама Баи наблюдает за мной... Нет, скорее *изучает*.

Она взмахивает рукой:

– Принцесса Лю? Подойдите, пожалуйста.

Юнли смотрит на меня со смесью тревоги и любопытства. Я замечаю, что моя будущая свекровь встала с кушетки и подошла к придворной даме Йю. Она косится на меня, и ее взгляд мрачнеет, когда я подхожу к Баи.

Я кланяюсь, и Баи берет меня за руку:

– Мне до сих пор не довелось поблагодарить тебя лично за то, что ты помогла Каю сразить предателя. Ты повела себя очень храбро.

Я изгибаю бровь. *Помогла?* По ее мнению, это Кай героически одолел Рена?

Стайка аристократок вокруг придворной дамы смотрит на меня затаив дыхание.

Глаза Баи сверкают, как будто она бросает мне вызов, подталкивает к тому, чтобы я ей возразила.

Она плохо меня знает.

– Не стоит благодарности, Ваше Высочество, – говорю я. – Для меня было честью служить королевству, но следует особенно отметить храбрость Джие, который не только сразился с предателем, но и защитил от него своего брата, принца Кая.

Женщины вокруг придворной дамы бледнеют и ахают. Улыбка Баи застывает на ее лице.

До нас доносится жалобный вой из основного зала, и мы оборачиваемся.

Разумеется, это Айлин.

Я вижу через занавеску, как хмурится дядя Йи. Очевидно, он забыл ее предупредить, чтобы она не переигрывала.

Лян морщится, глядя на Айлин так, будто перед ним испражнилась лошадь. Джие смотрит на нее, сощурившись, вытянув губы в тонкую линию. Своим фальшивым горем Айлин превращает трагедию его брата в фарс.

Прошу, Джие, не надо. Не стоит сейчас на нее набрасываться.

Придворная дама Йю отдергивает занавеску и выбегает в зал. Она буквально подлетает к моей двоюродной сестре и дает ей такую сильную оплеуху, что Айлин падает на бок.

– Раскольная звезда! Заглуши свои лживые вопли! Мой сын был бы еще жив, если бы не ваша помолвка! – кричит придворная дама Йю, осыпая Айлин ударами. – Бесстыжая раскольная звезда!

Айлин визжит, прикрываясь обеими руками.

– Разнимите их! – командует Джие, выводя зал из оцепенения.

Юнли бежит к Йю, и я спешу следом. Мы берем ее за руки и оттаскиваем в сторону. Дядя Йи наклоняется осмотреть лицо Айлин – он ведь не хочет, чтобы его ценный товар оказался поврежден, не так ли?

Придворная дама Йю пытается вырваться, и Юнли шепчет ей:

– Прошу, успокойтесь. Некоторые здесь будут только рады тому, что вы устроили сцену.

Великий ученый Йю подходит к нам и резко произносит:

– Возьми себя в руки, сестра. Ты и так достаточно опозо-

рилась.

Она обмякает, прислоняясь к нам с Юнли, и по ее щекам стекают крупные слезы. Брат Йю выглядит сердитым, но я улавливаю тень нежности и сочувствия в его лице.

Дядя Йи выпрямляется, поворачивается к Джие и слегка кланяется, накрывая кулак ладонью у груди в почтительном жесте.

– Ваше Высочество, прошу, восстановите справедливость, – говорит он низким ровным голосом. – Ее Высочество не только нанесла моей дочери физический ущерб, но и запятнала ее честь и доброе имя.

Мы с Юнли переглядываемся. Придворная дама Йю назвала Айлин раскольной звездой и тем самым обвинила ее в том, что она приносит неудачу. Народ нашей страны верит в то, что падающие звезды – дурной знак и что они раскалывают небо.

Айлин, подыгрывая отцу, всхлипывает еще горше. Нельзя не восхититься ее умением плакать с тем же изяществом, с каким капли росы слетают с распустившихся цветов.

Некоторые молодые люди косятся на нее с очевидной похотью в глазах.

Лицо Джие застывает гранитом.

– Я немедленно сообщу обо всем королю, уважаемый министр Сан.

– Какое чудесное сегодня было представление, – говорит придворная дама Хуа, восседая на широком диване, устланном шелками и мехами, и опираясь одной рукой на примыкающий к нему чайный столик.

Мы с Джие одни в ее личной комнате отдыха, не считая главной служанки. Король Рейфень и Джие собирались возглавлять похоронную процессию в первой половине дня и проводить тело Вена до места королевского захоронения вместе с аристократами на лошадях и пешими солдатами и стражниками, но им пришлось отложить церемонию из-за вспышки придворной дамы Йю.

Главная служанка Хуа подает нам горячий зеленый чай лунцзин. Я беру его и усаживаюсь в мягкое кресло напротив Хуа. Джие ставит свою чашку на нефритовый стол между нами.

– Я сказала Йю, что на лице той мелкой дряни нет ни слезинки, – произносит Хуа насмешливым тоном. – Пожалуй, ей удалось выбить из нахалки сразу девять душ!

Я резко поднимаю голову. Должно быть, за этим она подошла к Йю.

Джие вскакивает на ноги.

– Зачем ты натравила ее на госпожу Сан?!

– Ничего подобного я не делала, – спокойно заявляет Хуа,

и лицо ее холодно как лед. — Йю сама кипела от ненависти к этой дрянной девчонке и винила госпожу Сан в смерти Вена. Я лишь выразила ее мысли вслух.

— Ты подлила масла в огонь и сама прекрасно это знаешь.

— Ради тебя, Джие! Где твоя благодарность? Не сомневаюсь, скоро пойдут слухи о ней, раскольной звезде, и Каю придется всерьез подумать над тем, стоит ли жениться на госпоже Сан, — объясняет Хуа и откидывает голову на подушку, одаряя нас стальной ухмылкой. — К тому же разве не приятно было видеть, как министр Сан оскорбил великого ученого Йю, требуя наказания? Уверена, Йю безразлична его сестра, но он, несомненно, переживает о своей репутации и о том, как скандал может сказаться на его семье.

— Но мама... — Джие заминается, но продолжает: — Как ты могла воспользоваться горем матери, оплакивающей сына?

Меня посетила та же мысль. Время от времени невольно задумываюсь о том, как столь жестокая женщина могла вырастить такого благородного сына. Порой упавшее яблоко укатывается далеко от яблони.

— Что ты! — фыркает Хуа. — Йю никто не заставлял набрасываться на госпожу Сан. Если она не способна держать себя в руках, это ее вина.

Насколько мне известно, король Рейфень жестоко отчитал придворную даму Йю, пристыдил за позорное поведение, приказал удалиться в ее резиденцию и не выходить оттуда до его позволения.

– Вы не думали о том, что эта сцена заставит короля усомниться в способностях Джие, если тот даже похоронную церемонию не сумел провести без происшествий? – спрашиваю я.

Мои слова звучат сурово, но я давно поняла: чтобы заставить таких людей, как придворная дама Хуа, признать ошибку, надо взглянуть на вещи их глазами и показать, что они вредят себе же самим.

Хуа молчит, но костяшки ее пальцев, сжимающих чашку, побелели. До нее дошел смысл моих слов.

Тут она поднимает взгляд и хмурится:

– А это кто?

Мы с Джие разворачиваемся к окну у нас за спиной. Какая-то служанка машет нам рукой, привлекая к себе внимание. Она быстро переступает с ноги на ногу, пытаясь согреться на морозе. Вероятно, не решается войти из-за Фэй, которая стоит на страже у двери.

– Какая наглость! – шипит Хуа. – Кто ее впустил без моего на то позволения?!

– Я ее узнаю, – говорит главная служанка Хуа. – Она прислуживает Его Величеству во внутреннем дворе. Должно быть, ее впустили, потому что она несет послание от короля.

Хуа жестом приказывает ей выйти к девушке.

Вскоре главная служанка Хуа возвращается, бледная как смерть.

– Госпожа Хуа, Ваше Высочество, принцесса, Ваша ми-

лость... – Она обращается ко всем нам, выдерживает небольшую паузу и резко вдыхает. – Придворная дама Йю повесилась.

Мы с Джие в ужасе смотрим друг на друга.

Губы Хуа растягиваются в холодной ухмылке.

– Полагаю, я все же навещу любезную Йю и пролью по ней горькие слезы.

Глава 2

Безжизненное тело придворной дамы Баи покачивается на балке в соседней камере. Я смотрю на нее в щель между деревянными прутьями, сама наполненная отчаянием. На моих глазах черты Баи расплываются, и я вижу лицо придворной дамы Йю. Она распахивает глаза.

Я отшатываюсь и чуть не падаю.

Йю смотрит на меня и начинает повторять одно и то же:

– Моего сына убили.

Из земли под ней вытекает нечто угольно-черное, похожее на огромную бесформенную тень, которая растягивает повсюду свои щупальца. Меня охватывает ледяной ужас. Парализует.

Тень вырастает, облиная придворную даму Йю, пульсируя на ее теле.

Я хочу закричать, спугнуть эту темную тварь, но из гортани выходит лишь хрип.

Щупальца извиваются, и их концы становятся похожи на клыки и когти размером с мое предплечье. Теперь меняются черты Йю, и я вижу перед собой верховную жрицу Судаджи. С моих губ слетает громкий визг.

Судаджи протягивает ко мне руку, пытается вырваться из черного плена. Я бросаюсь к ней на помощь, но тут же

понимаю, что не могу сдвинуться с места. Воздух как будто застыл.

Жрица изо всех сил сопротивляется тени, и рот ее искажается в немом крике, но она не может сбросить с себя темные щупальца. Когти крепко держат ее на месте, а клыки впиваются в кожу, и вместо крови из тела выходят завитки темно-фиолетового дыма. Щупальца охватывают Судаджи всю целиком и утягивают дальше от меня.

Я напрягаю все свои силы, но не могу и пошевелиться.

Божественный Камень на моей груди тревожно вспыхивает, ярко и отрывисто.

И тут я чувствую...

Мощь бездонной тьмы. Она наблюдает за мной с жаждой и злобой.

Я резко поворачиваю голову, смотрю сначала налево, затем направо, и мое сердце будто сжимают в кулаке.

Из тьмы поднимается мрачный силуэт. Щупальца извиваются и спутываются, сплетаясь в мужскую фигуру. На вид ему не больше тридцати пяти, и черты лица его гладкие, но четкие, словно высеченные из мрамора. Длинные волосы ниспадают волной, глаза мерцают, подобно черному жемчугу.

Он прекрасен, но во рту у меня появляется тошнотворный соленый привкус.

Сянью, Ночной Дракон.

Он вытягивает руку, окутанную фиолетовым дымом:

– Откажись от Божественного Камня.

Ко мне возвращается способность двигаться, и я бегу от него прочь. Он гонится за мной. Через какое-то время все стихает, и я решаюсь обернуться.

Сянью скользит над землей, окутанный темным облаком с щупальцами, похожим на огромного осьминога. Его глаза пылают красным, словно бассейны магмы.

Я кричу.

– Госпожа! Госпожа!

Кто-то пытается меня растряссти. Я резко выдыхаю, выныриваю из пучин сна и сразу встречаюсь со взглядом пытливых глаз.

– Вам приснился кошмар? – спрашивает Фэй, одной рукой держа меня за плечо, а второй сжимая брусок для сигнального огня.

Я сажусь в постели и молча киваю. Фэй отпускает мое плечо.

Я касаюсь амулета под сорочкой. Божественный Камень обдаёт меня жаром, и внутри все сжимается. Я спешно опускаю взгляд. Слава небесам, Камень не светится!

В дверь стучат, и я вздрагиваю.

– У вас все в порядке? – с тревогой спрашивает мужской голос.

– Да! – кричит ему Фэй. – Все нормально.

Он что-то бормочет в ответ, и я слышу шуршание сапог

по полу. Вскоре шаги стихают.

Фэй снова смотрит на меня, и я пытаюсь успокоиться.

– Мне приснилось, что меня преследует Ночной Дракон. Он походил на чудовище... – начинаю объяснять я, и тут мне на глаза попадается свиток на прикроватном столике. Я беру его в руки и разворачиваю.

Художник из делегации Хансиня написал портрет Сянью, чтобы я – и моя стража – могли его опознать. Он выглядит в точности как в моем сне. По словам Хансиня, это невероятно умный и харизматичный маг, легко очаровавший верховного старейшину Любуна и половину всего совета старейшин. Хансинь же сразу почуял недоброе при первой встрече с Сянью. «И я был прав, – сказал он. – Сянью уже не меньше десяти лет занимается темной магией».

– Наверное, вам следует отложить портрет подальше, – советует Фэй. – Так Ночной Дракон постоянно у вас на уме, вот и кошмары снятся. Старейшина Хансинь убежден в том, что темный маг сбежал из Цзиньси. Он весь город прочесал, помните?

В самом деле, Хансинь не раз обошел столицу в поисках Сянью, прежде чем отправиться на охоту за ним за пределы города в сопровождении принца Кая.

– Ты права, Фэй, – соглашаюсь я, но про себя думаю, что это вовсе не портрет, а страх лишиться Божественного Камня заставляет меня постоянно тревожиться о Ночном Драконе.

Когда мне даровали второй шанс на жизнь, я не понимала, что это произошло благодаря Судаджи, что она с помощью своих божественных сил и энергии моего амулета повернула время вспять и отмотала его на два года назад. Но больше всего меня потрясло иное открытие: то, что я родилась вместе с амулетом, и защищать Божественный Камень – мой священный долг. Я не должна позволить ему попасть в руки злонамеренных людей, а особенно – Сянью, темного мага, прозвавшего себя Ночным Драконом.

Сложно сказать, как мне справиться с этой задачей, когда сама я магией не обладаю. От одной мысли об этом становится не по себе.

Судаджи верит в меня. «В твоей прошлой жизни ты была слишком слабовольна, – сказала она мне, – но в тебе растут железная воля и целеустремленность, и ты достойна того, чтобы охранять Камень».

Я откладываю портрет.

– Прости, что разбудила тебя среди ночи, Фэй.

Мэй, ради ее же безопасности, теперь проводит ночи с другими служанками, а Фэй спит рядом со мной в отдельной небольшой постели, охраняя меня.

Фэй обнимает меня за плечи.

– Не стоит извиняться, госпожа. Вы через многое прошли. И я сама потрясена новостью о самоубийстве придворной дамы Йю. Да и если бы моей жизни угрожал самый могущественный маг континента, я бы не меньше вас беспокоилась.

Но мы все готовы вас защищать, — добавляет она и косится на дверь, за которой держат дозор четыре стражника.

После того как нам стало известно о Ночном Драконе, Джие отправил очередной квартет своей личной стражи в мой дом, и теперь они охраняют меня по очереди. Пожалуй, если бы это не угрожало моему доброму девичьему имени, принц и сам переехал бы ко мне, даже несмотря на неодобрение короля.

Вдруг меня как будто ударяют в живот. На комод напротив моей кровати рог куи издает пронзительный звук.

Фэй вскакивает быстро, как гепард. Кровь застывает у меня в жилах.

— Барьер! — вскрикиваем мы хором. Лонгзо, телохранитель Хансиня и мастер магии порталов, сплел невидимый Барьер вокруг моего дома, но, очевидно, его прорвали.

Фэй подбегает открыть дверь, и я вижу, что стражники за ней уже достали мечи. Она приказывает им выйти на улицу и проверить, что там происходит, а я спешно выбираюсь из постели.

Заклинание Лонгзо не позволяет ни колдунам, ни магам проникнуть в мой дом через портал. Но даже если Барьер недостаточно крепок, чтобы защитить нас от Сянью, по крайней мере, он предупреждает о том, что его пробили, подавая сигнал через зачарованный рог куи.

И вот он подал его — впервые.

Удар в живот, который я ощутила... Со мной такое про-

исходило всякий раз, когда рядом использовали магию порталов. Значит, Сянью прорвался через Барьер?

Фэй просит меня не подходить и выглядывает в окно, внимательно осматривая двор. Сердце у меня екает, когда во тьме вспыхивает огонь, но это всего лишь факелы стражников. В доме тихо. Всех предупредили, чтобы они не тревожили мою мать и старались ее не будить.

Я напрягаюсь, чувствуя что-то... странное. Какой-то гнилой, трупный запах, похожий на тот, что окружал Сянью в духовном мире.

У меня перехватывает дыхание. Ночной Дракон все же здесь, в моем поместье? Я должна всех предупредить!

Краем глаза я замечаю некое мерцание. И, несмотря на предупреждение Фэй, подбегаю к окну.

В уголке неба, подобно миражу, мерцает лицо жрицы Судаджи, взволнованное и напуганное.

Я быстро моргаю, думая, что мне это мерещится. Лицо не пропадает.

Фэй ахает и показывает на него за секунду до того, как оно рассеивается:

– Что это?

Я отшатываюсь от окна. Что это значит? Запах гнилости тоже растворился. Сянью уже покинул поместье? Зачем же он приходил?

Стражники возвращаются и докладывают, что никого не нашли, но приносят мертвую сову.

– С ней что-то не так, – объясняет один из них, поежившись. – Она сидела на ветви дерева и глядела прямо на нашу комнату. А потом повернулась к нам, и... чувство было такое, будто на нас смотрит человек.

Остальные мрачно кивают.

– Жутко было, – добавляет другой стражник надломившимся голосом. – А потом сова сорвалась с ветки и упала замертво.

Мы с Фэй обеспокоенно переглядываемся.

– Никому об этом не рассказывайте, – просит Фэй. – Продолжайте дозор. До утра еще далеко.

Стражники возвращаются на свои посты, но я больше не могу успокоиться и уснуть.

Вскоре после того, как мне приснилась плененная в чудовищной тени Судаджи, ее мираж появился в небе. Вдруг с ней случилось нечто страшное? И амулет обдал меня волной жара – это мне точно не причудилось. Возможно, она просила меня о помощи, отправляя мне сигнал через нашу духовную связь?

Больше всего мне хочется проверить, в порядке ли Судаджи, но я не смею войти в духовный мир. Ночной Дракон вполне мог проскользнуть обратно в столицу, несмотря на все предосторожности Хансиня. И если сейчас я отправлюсь в духовный мир, вполне могу, сама того не желая, привести Сянью прямо к Божественному Камню.

Но почему он не напал на нас, если действительно проник

в поместье? А если это не он... Я задумываюсь над странным поведением совы и ее еще более странной смертью, и по спине пробегает холодок. Связана ли она с той гнилостной аурой, которую я почувствовала?

Как же жаль, что мне не хватает знаний о магии.

* * *

– Принц Джие приехал, – сообщает мне Фэй утром, сразу после того как я проснулась. – Он на улице, разговаривает со стражниками.

Позже, когда Джие входит в дом, я замечаю, что вид у него напряженный, челюсти сжаты.

Вероятно, стражники рассказали ему о ночном происшествии.

Джие притягивает меня к себе и крепко обнимает:

– Я за тебя переживал, Синь.

– Все в порядке. Вот. Видишь? – спрашиваю я, мягко отстраняясь, и кружусь перед ним. Джие прыскает со смеху:

– Чье лицо ты видела в мираже? Ты ее знаешь?

– Нет, – отвечаю я, чувствуя укол совести. Мне стыдно лгать Джие, но как ему все объяснить, не раскрывая правды о Божественном Камне и моем перерождении?

Джие проводит рукой по волосам.

– Сам не верю, что это говорю, но... жаль, Хансиня здесь нет, чтобы рассказать нам больше о магии.

– Да, жаль, – соглашается Фэй.

Сталь отражается во взгляде Джие и скользит в голосе:

– Кто бы ни нарушил Барьер прошлой ночью, скорее всего, это был колдун и наш враг, а значит, необходимо усилить охрану.

– Мы сохранили тело совы, поскольку так и не поняли, почему она внезапно умерла, – говорит Фэй. – На ней нет никаких ран, и шея не сломалась при падении.

– Правильно, – одобительно произносит Джие. – Я немедленно отнесу ее в королевскую академию Сюэюань и обращусь к эксперту по птицам. Он осмотрит сову и, возможно, определит причину смерти.

Я киваю:

– После тебя и я туда отправлюсь. Мне надо поговорить с Чанг Ляном. Похоже, ему что-то известно о смерти Вена, и он хотел сказать мне об этом, но на похоронах было слишком много лишних ушей.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты уходила из дома в одиночку, – возражает Джие. – Колдун, пришедший ночью, может на тебя напасть. Пойдем к Чанг Ляну вместе. Или пригласим его сюда.

– И то и другое привлечет слишком много внимания. Сомневаюсь, что колдун нападет при свете дня, у всех на глазах. Уверена, он предпочел бы скрыть, что находится в Дачжоу, и не стал бы себя разоблачать. – Я улыбаюсь и беру Джие за руку. – Не волнуйся. Я возьму с собой Фэй и целый

отряд стражников.

Джие вздыхает:

– Тебя так просто не отговоришь, да? Что ж, хорошо, но обещай быть осторожна.

Я ласково сжимаю его руку:

– Обещаю.

Глава 3

Я нахожу Чанг Ляна в библиотеке королевской академии Сюэюань, которой заведует великий ученый Йю.

Фэй оставила меч и кинжалы у входа: в оплот науки не пускают с оружием. Она сильно этим недовольна, но я сомневаюсь, что Ночной Дракон поджидает меня в академии, даже если он каким-то образом вернулся в столицу незаметно для Хансиня.

Академия Сюэюань представляет из себя лабиринт величественных зданий с огромными колоннами, павильонов с золотыми крышами, извилистых тропинок из известняка и великолепных садов. Здесь пахнет сосновыми иголками и цветами сливы.

От библиотеки в три этажа, всей из дерева, с мерцающими янтарными стенами, захватывает дыхание. Столбы и арки тянутся ввысь, поддерживая антаблементы и фронтоны с изысканной резьбой. Над просторным павильоном у входа на изящных колоннах покоится узорный каменный навес. Над дверьми висит большая табличка с выгравированной надписью «Сюэ ву я». *Безграничное познание.*

За длинными дубовыми столами, выставленными вдоль зала, тихо сидят ученики, погруженные в книги. Картины чернилами и красками украшают пространство стены между шкафами. Солнечный свет льется через шелковые ширмы на

окнах, освещая альковы шестиугольной формы, где хранятся тысячи свитков в бамбуковых футлярах. Над нами возвышаются громадные книжные полки из кленового дерева, и на них есть все, что только можно себе представить: от детских сказок до древних легенд, от томов по астрономии до трудов по медицине.

Эта библиотека веками служила святыней для искателей знаний. Ее тяжелая атмосфера и полная тишина внушали почтение.

Лян сидит, уткнувшись носом в толстую книгу. Я подхожу к нему, он вздрагивает и вскидывает голову.

– Принцесса! – шепчет Лян и тут же вскакивает, спешно кланяясь. – Вы пришли выписать книгу?

– Нет, – тихо отвечаю я. – Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов о травяном настое из корня дудника, господин Чанг. Одна моя служанка часто страдает головной болью, и привычное снадобье из любистока ей не помогает. Я слышала, что дудник обладает чудесными свойствами. Вы ведь специалист по травам? Вот я и решила к вам обратиться.

– Буду рад оказаться вам полезен, – говорит Лян и осматривается. – Однако некрасиво вести беседу в библиотеке. Выйдем наружу.

Мы с Фэй дожидаемся, пока он вернет книгу на место, и отправляемся вслед за ним на улицу.

– Вы правы, принцесса, дудник исцеляет головные боли,

но только если получить его из верного источника, — начинает объяснять Лян на ступенях библиотеки, но я подаюсь к нему и шепчу:

— Не могли бы мы найти еще более укромное место для разговора о... принце Вене?

Внезапное осознание освещает его лицо.

— Прошу, я проведу вас к оранжерее с травами, — отвечает Лян и показывает мне дорогу. — Из-за сильного запаха туда заходят не чаще чем раз в неделю — только для того, чтобы рассортировать новые травы, прибывшие в академию. Сейчас там никого не будет.

В самом деле, оранжерея пропитана гнетущим ароматом лекарственных трав. Я замечаю, что они разложены по разным местам на каменных столах и деревянных полках.

Фэй морщится, я стараюсь не обращать внимания на запах, а Лян как будто вовсе его не замечает. Он затворяет за нами дверь и спешно подходит ко мне.

— Я многое должен вам поведать, принцесса, и безмерно счастлив, что вы обратились ко мне, поскольку сам ни в коем случае не посмел бы отнимать ваше драгоценное время.

Краем глаза я замечаю, как Фэй возводит глаза к небу. Наверное, думает, что уж слишком возвышенно он высказывается.

— Прошу, я всегда буду рада вашему визиту, господин Чанг, — отвечаю я.

Его глаза радостно вспыхивают, словно за ними зажгли

спичку.

– О, благодарю вас, принцесса. Для меня это честь. Но говоря о принце Вене... – Его лицо темнеет. – Могу ли я обсудить с вами наедине то, что меня тревожит?

– Фэй я готова доверить собственную жизнь. Потому и вы можете ей довериться.

– Разумеется, – говорит Лян и делает глубокий вдох, словно подпитывая свою душу. – По мните, я говорил о том, каким несчастным выглядел принц Вен перед смертью? Зачастую и я возвращался из гостей удивительно печальным. Однако стоило мне отойти достаточно далеко от его резиденции, как мысли прояснялись и поднималось настроение. И это странное наваждение охватывало меня лишь в те дни, когда госпожа Сан присутствовала при моем визите.

Мое сердце ускоряет бег, и его стук отдается в ушах. То, о чем говорит Лян... Я уже слышала. Юнли испытывала нечто похожее, когда навещала брата.

– Вы полагаете, что Айлин навеяла дурное настроение принцу Вену?

– У меня возникли такие подозрения. Она посещала его намного чаще, чем я, и, должно быть, в нем постепенно накопились горькие чувства, которые заставили его... – Лян осекается, как будто боясь закончить фразу.

Что же сделала Айлин, чтобы вызвать у Вена желание покончить с собой? Магией она не обладала и не могла позаимствовать ее у Ночного Дракона. Даже если он в самом деле

вернулся в столицу, я не замечала, чтобы от моей двоюродной сестры исходила темная энергия, как это было с Реном.

– Есть ли такие яды, что заставляют человека почувствовать себя несчастным? – спрашиваю я. Дядя Йи изощрен в вопросах зла. Он легко избавился от наемного убийцы, которого подослал ко мне на Элитной охоте. Отравил его смертельным ядом – настолько редким, что даже придворный лекарь не опознал это зелье, хоть и встречался с ним раньше.

– Мне не доводилось о таком слышать, но ведь это еще не значит, что их не существует, – отвечает Лян.

Я вспоминаю о том, что сказал королевский лекарь Цай. Передо мной встает его лицо во всех деталях.

У меня перехватывает дыхание. В лице лекаря отражался вовсе не стыд, а страх. Цай опознал яд. А значит, ему было известно, откуда он взялся.

Если мне удастся определить источник... Лян морщит лоб:

– Предположим, госпожа Сан отравила принца Вена. Каким образом? Должно быть, яд содержался в чае, поскольку это единственное, чем я угощался в гостях. Однако у меня не возникло желания покончить с жизнью.

– Вероятно, вы получили недостаточно большую дозу, – предполагаю я.

Лян ударяет кулаком по ладони.

– Вы правы! Госпожа Сан посещала Вена почти каждый день и, несомненно, поила его отравленным чаем. Насколько

мне известно из моего изучения лекарственных трав и медицины, им присущ накопительный эффект.

Я киваю в знак согласия:

– До меня доходили слухи, что Вен часто менял слуг, которые проверяли его еду и питье на яд, в силу своего переменчивого настроения. Возможно, поэтому и они не пострадали – не приняли достаточной дозы.

Лян начинает мерить шагами оранжерею.

– Но как же госпожа Сан отравила мой чай, если приносили его слуги? И зачем ей вызывать лишние подозрения, отравляя и меня?

– Наверное, она заранее смазывала понемногу каждую чашку, потому что не знала, из какой будет пить Вен, – предполагает Фэй.

Я качаю головой.

– Любые следы на посуде уже заметили бы слуги. Мой дядя действует осторожнее. Но, догадываюсь, ты мыслишь в верном направлении, Фэй, – говорю я и развиваю ее мысль: – Скорее всего, яд Айлин распространяется на всех, кто находится поблизости, и его невозможно применить иначе.

Лян резко останавливается и поворачивается ко мне.

– Конечно! – восклицает он, замирая, и его глаза сияют светом открытия. – Вдруг это не жидкий и не твердый яд, а скорее аромат, и он распространяется по воздуху?

Я ахаю:

– Возможно, он содержится в духах Айлин и действует на

всех, кто его вдыхает!

– Теперь мне вспоминается амулет на шее госпожи Айлин, что я видел всегда, когда встречал ее в резиденции принца Вена. Он был грушеобразный, и полагаю, это вовсе не амулет, а пузырек с парфюмом.

Кое-что меня смущает.

– Но разве Айлин не попала бы в таком случае под влияние того же яда? Почему она не потеряла волю к жизни?

Мы восклицаем одновременно:

– У нее есть антидот!

Во мне, как молния, вспыхивает заряд вдохновения. Вполне возможно, мы раскрыли тайну смерти Вена.

– Но как мне это доказать? – говорю я вслух, уже думая о том, что в первую очередь следует вытянуть информацию из лекаря Цаи.

– Я поговорю с госпожой Сан и с Бо, и...

– Нет, господин Чанг, предоставьте это мне, – прошу я, смеряя его серьезным взглядом. – Вы не представляете, насколько опасен министр Сан. Если он поймет, что вы задумали, не постесняется от вас избавиться. Поверьте, он вполне способен выставить вашу смерть за несчастный случай.

Страх окутывает его глаза. Он нервно сглатывает.

– Принц Вен был моим другом. Если его убили, я должен выяснить, кто это сделал. Единственный, кому известно о моих подозрениях, – мой учитель. Он считает, что я излишне вдумываюсь в произошедшее, и советует забыть об этом,

но я не могу, — объясняет Лян, расправляя плечи. — Мне вообще не страшно. Позвольте вам помочь, принцесса. У меня есть возможность каждый день посещать юного Бо... — Он осекается и делает резкий вдох. — Я совсем забыл спросить, принцесса. Когда вы указали на то, что предатель ударил Бо всего единожды, вы намекали на то, что он лишь разыгрывает серьезную травму?

Я киваю, и Лян взволнованно разминает пальцы.

— У меня давно возникли такие подозрения, но уверенности не было. К чему Бо притворяться?

— К тому, чтобы его не расспрашивали о нашем сражении с предателем.

Если Бо предстанет перед королем и министерством права, может выясниться то, что он помогал Рену по доброй воле, и его признают виновным. Народ не знает о кровавой магии: людям сказали, что предатель призвал Бо во дворец и там напал на него.

— Вполне возможно, Бо не зачаровали, и он добровольно помогал Рену, — говорю я.

Лян издает сдавленный возглас ужаса.

— Другие лекари не разделяют ваши подозрения? — спрашиваю я.

— По крайней мере, мне они об этом не говорили. После нашей с вами беседы я навестил Бо еще раз и стал расспрашивать о том дне, когда вы сразили предателя, — в надежде, что раскроется его ложь. Однако он стиснул мою руку —

столь сильно, что остался синяк, – и произнес с видом полного ужаса и безумия: «Я сказал им правду, сказал, что видел, как эта девка противилась кровавой магии Рена, но все равно, все равно они искалечили меня магией!» Он говорил все громче и вел себя так, словно окончательно потерял рассудок. Я пытался стряхнуть его руку, но мне не хватало сил.

Он кричал и всхлипывал: «Я умолял и умолял, но меня терзали снова и снова! Должно быть, слуги это услышали – они прибежали, они меня спасли!»

Лян поднимает рукав и показывает темно-синее пятно на запястье. С моих губ срывается тихое проклятье.

– Кошмар! – вскрикивает Фэй.

Лян опускает рукав.

– Бо продолжал рыдать, не в силах совладать с собой, и госпожа Сан извинилась за его поведение, выразив мысль, что это очередные последствия травмы, нанесенной предателем, но я уже какое-то время ухаживал за больным, и прежде с ним не случалось подобного. Меня потрясла эта встреча, и я вскоре ушел.

Я сама дрожу от потрясения. Должно быть, Бо очнулся во время нашей последней битвы с Реном. Если колдун пытал его, выясняя, сопротивлялась ли я кровавой магии... Кто это был?

– Ради вашей собственной безопасности, господин Чанг, вы должны скрывать этот случай от всех... – говорю я, но тут же осекаюсь от сильного удара в живот. Ноги подкаши-

ваются.

– Принцесса! – восклицает Лян.

– Тс-с, – шипит Фэй, поднимая взгляд в потолок. Там не хватает одной плитки.

Меня словно окатывает ледяной водой. Нас подслушивали.

Фэй выбегает из оранжереи, а я спешу за ней. Она останавливается чуть поодаль и смотрит на крышу. Лян выходит вслед за нами.

– Там кто-то был, – говорит Фэй, возвращаясь ко входу. – Очевидно, он умеет передвигаться совсем неслышно. Я не уловила его шагов. До меня донесся только звук, с которым сняли плитку, чтобы заглянуть внутрь.

Мы с Ляном переглядываемся, и он бледнеет.

– Вам угрожает все большая опасность, господин Чанг. Предоставьте это дело нам. Забудьте вовсе о нашей с вами беседе.

– Но... Я хочу помочь!

– Вы и так достаточно помогли. Не возвращайтесь в резиденцию министра Сана, не задавайте лишних вопросов, – прошу я, выдерживая его взгляд со стальной решимостью, и наконец он кивает. – Берегите себя.

Мы с Фэй разворачиваемся и уходим. Шагах в тридцати от оранжереи она подается ко мне и шепчет:

– Госпожа, я умолчала кое о чем при господине Чанге.

Я смотрю на нее, сощурившись, но уже подозреваю, о чем

речь.

– Тот, кто следил за нами, наверняка воспользовался магией порталов. Он исчез во вспышке света, совсем как Лонгзо. Подозреваю, этот колдун переместился сразу на крышу. Иначе я бы точно услышала, как он идет по плитке. Возможно, тот же человек пытался пробиться через Барьер. – Фэй оглядывается. – Проклятье. При мне нет оружия.

Мы спешим к выходу из академии едва ли не бегом.

* * *

За воротами нас ждут четверо стражников, и Фэй практически заталкивает меня в экипаж. Он сразу трогается, и я достаю кинжал из ботинка, хотя не знаю, поможет ли он против колдуна.

Мы немного успокаиваемся лишь после того, как добираемся до дома. Слуги суеются, готовясь к предстоящему празднованию Нового года, и никто не замечает нашей тревоги.

Я приказываю Фэй и стражникам не говорить ни слова моей матери о том, что произошло в академии. Не хочу ее беспокоить. Она еще сидит в швейной комнате, вяжет в компании Нинь; их охраняет Юи.

Джие нетерпеливо дожидается моего возвращения в комнате отдыха. Я замечаю его волнение, и меня саму на мгновение охватывает паника.

– Что такое?

– Мертвую сову внимательно осмотрели, и эксперт сделал вывод, что смерть ее не была естественной. Из нее как будто жизнь высосали.

Я хмурюсь:

– Как это понимать?

– Сова была полностью здорова, но всего за секунду совершенно внезапно лишилась всей своей жизненной энергии, – объясняет Джие. – Жутко, ничего не скажешь, и до сих пор не ясно, как это связано с изображением той женщины в небе.

Внутри у меня все сжимается от воспоминания о тех минутах, о гнилой ауре. Кто убил ту сову?

Я сглатываю комок нервов и пересказываю Джие то, что случилось с нами в королевской академии Сюэюань.

– Это был Ночной Дракон? – тут же спрашивает Джие, и голос его звучит сдавленно от волнения.

– Сомневаюсь. Сянью не скрылся бы немедленно, как только его заметили. Он воспользовался бы возможностью и попытался меня убить.

Джие не понимает:

– Если тот, кто вас подслушивал, пользуется магией порталов, не тот ли это колдун, который нарушил Барьер прошлой ночью?

– Возможно. И это еще не все.

Я передаю ему историю о безумной вспышке Бо.

– Сначала его пытали, выясняя твою устойчивость к магии, затем в твой дом пытались проникнуть через портал, и сегодня в академии за тобой следили, – перечисляет Джие. – Если это не сам Ночной Дракон, за него работают приближенные. Но что им нужно? Пока никто не пытался тебе навредить. Однако неизвестно, что будет дальше. Мы должны их поймать. И как можно скорее.

– Было бы замечательно. Только мы ничего о них не знаем. Как они выглядят, какого они пола. Мы представления не имеем, с чего начать, *где* их искать.

– В таком случае не выходи из дома, пока их не найдут.

– Я не намерена прятаться, Джие. Нельзя жить в вечном страхе.

Я обнимаю его обеими руками, но чувствую в нем каменное напряжение.

– Понимаю, ты переживаешь за меня, но это не должно влиять на нашу жизнь, Джие. У меня достаточно защитников, и, насколько по мнится, твой меч так же остр, как мой ум.

Джие слабо улыбается:

– Знаю, ты не отступаешь перед лицом опасности. Что тебе удалось выяснить о смерти Вена?

Я пересказываю наш с Ляном разговор.

– Так вы подозреваете, что его отравил Сан Йи. Чанг Лян – лучший ученик великого ученого Йю, его радость и гордость. К тому же он обладает репутацией человека достой-

ного и добропорядочного, хотя, по мнению некоторых, Чанг Лян чересчур наивен. Как ты считаешь, заслуживает ли он доверия?

– Да.

Джие вздыхает.

– Тогда остается лишь доказать преступление Сан Йи. Вокруг происходит много странного, нас окружают враги – и известные нам, и скрытые в тени, и мне становится все менее спокойно на душе, – говорит Джие и охватывает мое лицо ладонями. – Потому я решил, что буду проводить большую часть времени здесь, даже ночью. Так я смогу сразу примчаться тебе на помощь, если вдруг что-то произойдет.

Я хочу было ему возразить, напомнить о том, что его отец будет недоволен, но твердый взгляд Джие заставляет меня замолчать.

– Понимаю, этим я запятнаю твою репутацию, но обещаю все возместить...

Я прижимаю палец к его губам и улыбаюсь:

– Пусть о подобных мелочах тревожатся глупцы. Но убеждать в том, что тебе лучше остаться у нас в гостях, придется не меня, а мою маму.

– Я справлюсь, – обещает Джие и прижимает свой лоб к моему. – Знаю, выходит неуважительно с моей стороны – переезжать к возлюбленной, когда все королевство еще оплакивает смерть Вена и придворной дамы Йю, но долгое ожидание свадьбы... Для меня это мука.

– Все будет хорошо, – шепчу ему я. – Я никуда не денусь, и нас ждут еще десятки лет вместе.

Джие фыркает от смеха:

– После того как закончатся три месяца, отведенные на оплакивание усопших, я отправлю девять ящиков со свадебными подарками твоей семье. А потом организую настолько роскошную свадьбу, что сами боги будут нам завидовать.

Я смеюсь и оплетаю руками его шею:

– Не сомневаюсь.

Глава 4

Придворная дама Хуа лежит в постели под балдахином, укутанная коралловым шелком. Я сижу рядом, в кресле, а Фэй стоит в углу, откуда может наблюдать за всем, что происходит в спальне.

– Позови лекаря Цай, – отдает приказ Хуа. – Скажи ему, что мне нездоровится.

Служанка спешно уходит. Я несколько раз ее видела и знаю, что она единственная, кому мать Джие полностью доверяет. Остальным Хуа поручила задания вне резиденции, чтобы никто нас не беспокоил. Я замечала, как ведут себя при ней слуги, и не сомневалась, что они не посмеют ослушаться ее приказа.

Хуа приподнимается на локте.

– Ты готова? Мой план обязан сработать.

Я бы предпочла не связываться с Хуа, но нехотя согласилась на ее план, поскольку так было проще всего вытянуть информацию из лекаря Цай.

– Он точно знает, чем отравили того убийцу на Элитной охоте, – уверенно говорю я, но в то же время внезапные сомнения пробегают мурашками по спине. – Если выясним, откуда министр Сан берет свои редкие яды, вполне возможно, это приведет нас к правде о самоубийстве Вена.

Хуа строго на меня смотрит:

– Даже если оно никак не связано с Каем, ты *должна* найти эту связь.

Я разеваю рот от удивления:

– Вы предлагаете обвинить его, даже если он не причастен?

– Он уже не раз пытался лишить Джие жизни. Если Кай станет королем, а эта наглая тварь – его королевой, да еще с твоим вероломным дядей в качестве их советника, то сама легко можешь представить, что ждет тогда и меня с Джие, и тебя с твоей матерью. Мой сын слишком горделив и не желает опускаться до коварства и обмана, но это глупо с его стороны.

Несмотря на суровые слова, голос ее теплеет, а лицо смягчается, но лишь на мгновение. Она пронзает меня острым взглядом:

– Ты же отличаешься от него, Лю Миньсин. Ты смелая и хитрая, ты умеешь влиять на других – и не смей этого отрицать! Даже принцесса Юнли и тот заносчивый нанью прониклись к тебе доверием. И когда тебе это необходимо, ты легко вводишь в заблуждение своих врагов и не проявляешь к ним ни жалости, ни сочувствия. И правильно. Воспользуйся своими умениями, Лю Миньсин, и возведи Джие на трон, если хочешь, чтобы я благословила ваш союз.

Она отворачивается, показывая, что разговор окончен.

В комнате повисает тишина, но в голове у меня кипят мысли – о том, в каком свете видит меня мать будущего му-

жа.

Смелая? Конечно. Хитрая? Пожалуй. Но разве я пытаюсь влиять на других? Несомненно, в глазах придворной дамы Хуа это комплимент, но я завоевала доверие Юнли и Хансиня вовсе не потому, что пустила им пыль в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.